

Скрипка Ротшильда — эпизод 3 из 5

По выражению его лица Яков видел, что дело плохо и что уж никакими порошками не поможешь; для него теперь ясно было, что Марфа помрет очень скоро, не сегодня-завтра. Он слегка толкнул фельдшера под локоть, подмигнул глазом и сказал вполголоса:

Ей бы, Максим Николаич, банки поставить.

Некогда, некогда, любезный. Бери свою старуху и уходи с богом.

Досвиданция.

Сделайте такую милость, взмолился Яков. Сами изволите знать, если б у нее, скажем, живот болел или какая внутренность, ну, тогда порошки и капли, а то ведь в ней простуда! При простуде первое дело кровь гнать, Максим

Николаич.

А фельдшер уже вызвал следующего больного, и в приемную входила баба с мальчиком.

Ступай, ступай... сказал он Якову, хмурясь. Нечего тень наводить.

В таком случае поставьте ей хоть пьядки! Заставьте вечно бога молить!

Фельдшер вспыхнул и крикнул:

Поговори мне еще! Ддубина...

Яков тоже вспыхнул и побагровел весь, но не сказал ни слова, а взял под руку Марфу и повел ее из приемной. Только когда уж садились в телегу, он сурово и насмешливо поглядел на больницу и сказал:

Насажали вас тут артистов! Богатому небось поставил бы банки, а для бедного человека и одной пьядки пожалел. Ироды!

Когда приехали домой, Марфа, войдя в избу, минут десять простояла, держась за печку. Ей казалось, что если она ляжет, то Яков будет говорить об убытках и бранить ее за то, что она всё лежит и не хочет работать. А Яков глядел на нее со скукой и вспоминал, что завтра Иоанна богослова, послезавтра Николая чудотворца, а потом воскресенье, потом понедельник тяжелый день. Четыре дня нельзя будет работать, а наверное Марфа умрет в какой-нибудь из этих дней; значит, гроб надо делать сегодня. Он взял свой железный аршин, подошел к старухе и снял с нее мерку. Потом она легла, а он перекрестился и стал делать гроб.

Когда работа была кончена, Бронза надел очки и записал в свою книжку:

Марфе Ивановой гроб 2 р. 40 к..

И вздохнул. Старуха всё время лежала молча с закрытыми глазами. Но вечером, когда стемнело, она вдруг позвала старика.

Помнишь, Яков? спросила она, глядя на него радостно. Помнишь, пятьдесят лет назад нам бог дал ребеночка с белокурыми волосиками? Мы с тобой тогда всё на речке сидели и песни пели... под вербой. И, горько усмехнувшись, она добавила: Умерла девочка.

Яков напряг память, но никак не мог вспомнить ни ребеночка, ни вербы.

Это тебе мерещится, сказал он.

Приходил батюшка, приобщал и соборовал. Потом Марфа стала бормотать что-то непонятное и к утру скончалась.

Старухи-соседки обмыли, одели и в гроб положили. Чтобы не платить лишнего дьячку, Яков сам читал псалтырь, и за могилку с него ничего не взяли, так как кладбищенский сторож был ему кум. Четыре мужика несли до кладбища гроб, но не за деньги, а из уважения. Шли за гробом старухи, нищие, двое юродивых, встречный народ набожно крестился... И Яков был очень доволен, что всё так честно, благопристойно и дешево и ни для кого не обидно.

Прощаясь в последний раз с Марфой, он потрогал рукой гроб и подумал: Хорошая работа!

Но когда он возвращался с кладбища, его взяла сильная тоска. Ему что-то нездоровилось: дыхание было горячее и тяжкое, ослабели ноги, тянуло к питью. А тут еще полезли в голову всякие мысли. Вспомнилось опять, что за всю свою жизнь он ни разу не пожалел Марфы, не приласкал. Пятьдесят два года, пока они жилив одной избе, тянулись долго-долго, но как-то так вышло, что за всё это время он ни разу не подумал о ней, не обратил внимания, как будто она была кошка или собака. А ведь она каждый день топила печь, варила и пекла, ходила по воду, рубила дрова, спала с ним на одной кровати, а когда он возвращался пьяный со свадеб, она всякий раз с благоговением вешала его скрипку на стену и укладывала его спать, и всё это молча, с робким, заботливым выражением.

Навстречу Якову, улыбаясь и кланяясь, шел Ротшильд.

А я вас ищу, дяденька! сказал он. Кланялись вам Моисей Ильич и велели вам зараз приходить к ним.

Якову было не до того. Ему хотелось плакать.

Отстань! сказал он и пошел дальше.

А как же это можно? встревожился Ротшильд, забегаая вперед. Моисей Ильич будут обижаться! Они велели зараз!